

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ**

*Сборник материалов
Всероссийской молодежной научной конференции
(18–20 апреля 2012 г.)*

Выпуск 8

Научный редактор П.П. Румянцев

Томск
2012

О.В. Матюхина

ПРОФЕССИЯ ЦЕНЗОР В РОССИИ XIX в.

Рассматриваются проблемы русской цензуры, характеризуется профессия цензора в XIX в.

Ключевые слова: цензура, профессия цензор.

Интеллектуальная атмосфера XIX в. отличалась особым напряжением. После разгрома декабристов общественная жизнь России проходила в сложной обстановке политической реакции. Все 30 лет правления Николая I (1825–1855 гг.) прошли под знаком опасения повторения событий 14 декабря 1825 г. Характерной чертой политики императора стала регламентация различных сторон жизни общества, в том числе и цензуры. Новый цензурный устав 1826 г. получил устами современников точное определение: его называли *чугунным*.

Он обязывал цензоров не пропускать никаких произведений, порицающих монархическое правление, предлагающих какие-либо реформы, религиозное вольномыслие и т.п. В случае несоблюдения параграфов устава – репрессии, которые также стали характерной чертой политики этого периода.

Однако ситуация осложнялась тем, что уставы, действующие в тот или иной период, фактически не работали. Главным законом являлась воля монарха, его повеления и распоряжения, постоянно вносимые в цензурный устав. На протяжении всего своего царствования император ревностно следил за журналистикой, контролировал творчество ведущих литераторов и публицистов, основные издания страны, сам выступал в качестве главного цензора в своей державе – «цензора цензоров». В частности, придя к власти, фактически сразу Николай I становится добровольным редактором поэта А.С. Пушкина.

Таким образом, главной особенностью первой половины XIX в. является активное участие императора в решении всех вопросов цензуры. Согласно терминологии исследователя Г.В. Жиркова, «самодержавный цензор», то есть Николай I, усиливал свою активность в зависимости от представляемой им угрозы собственной власти [1. С. 68].

Что касается рядового цензора, то от его личных качеств и профессионализма зависели судьбы отдельных произведений и целых периодических изданий. Интеллектуальная атмосфера XIX в. делала развитие института цензуры естественным. Поэтому эта эпоха является интересным материалом для реконструкции личности рядового цензора.

В данной работе особое внимание уделено профессии цензора. Необходимо отметить, что в XIX в. было опубликовано немало воспоминаний, где рассказывалось о людях, служивших в цензурном ведомстве, их личностных качествах и поступках, взаимоотношениях с известными литераторами. Они становились героями эпиграмм, фельетонов, стихов, анекдотов. Предпринимались даже попытки создать биографии видных деятелей этой профессии, но установившееся в обществе негативное отношение к ним явно не поощряло работы такого плана.

В России исследуемого периода сложилась неоднозначная ситуация, когда цензорами становились многие известные литераторы и литературоведы, то есть люди с достаточно высоким образовательным уровнем, широкой кругозора, среди них *С.Т. Аксаков* – цензор Московского цензурного комитета в 1827–1832 гг.; *П.А. Вяземский* – член Главного управления цензуры в 1857–1860 гг.; *И.А. Гончаров* – член Петербургского цензурного комитета в 1856–1860 гг.; *Ф.И. Тютчев* – председатель Комитета цензуры иностранной с 1858 до смерти в 1873 г. Особого внимания заслуживает *А.В. Никитенко* (1804–1877 гг.), который долгие годы работал в различных цензурных учреждениях и ведомствах по надзору за печатью. У каждого из этих людей были свои мотивы вступления на непопулярную должность. И видеть в их работе только негативные моменты было бы некорректно.

Характеризуя профессию цензора в XIX в., стоит отметить некоторые важные аспекты его деятельности. Юридический статус этих государственных служащих был довольно высок: они занимали должности VII–IV классов по Табели о рангах.

Официальный доход состоял из жалованья и столовых, которые изменялись в соответствии с повышением его в должности, а также денежных вознаграждений за усердную службу. Цензоры также имели право на получение единовременных пособий, в основном на лечение, и право на льготы при назначении пенсии, но только в случае беспорочной службы. Некоторые из них подрабатывали литературным трудом или состояли на другой государственной службе. Иногда эта должность приносила не основной, а дополнительный заработок.

В бытовом отношении профессия содержала немало неудобств. Так, в цензурном уставе не было определено точное время представления изданий на просмотр чиновнику. В связи с этим цензоры, просматривающие две ежедневные газеты, вынуждены были вставать по два раза каждую ночь, а днем заниматься другой работой: читать книги, журналы, рукописи, готовить доклады в цензурный комитет.

Объем работы у людей этой профессии был различный. В отчетах Главного управления по делам печати неоднократно отмечалось, что

«обязанности московских цензоров в несколько раз легче и спокойнее обязанностей, лежащих на цензорах петербургских», так как количество не только книг, но и периодических изданий у каждого петербургского служащего было вдвое больше, чем у московского [2. С. 29].

Важнейшую роль в профессии цензора играл еще и морально-нравственный аспект. При пропуске того или иного произведения некоторые чиновники вынуждены были выбирать между предписаниями начальства и личными взглядами. Цензор Одесского цензурного комитета А.Е. Егоров (1881–1906 гг.) писал: «...я всегда испытывал невыразимое терзание тогда, когда личное убеждение подсказывало мне сделать одно, а всякие конфиденциальные и неконфиденциальные циркулярные распоряжения повелевали творить по-другому... и я никогда не мог понять моих коллег, которые не только чувствовали себя прекрасно, отдаваясь всецело цензурским занятиям, но еще и смаковали их...» [3. С. 91].

Конечно, подобные нравственные муки испытывали не все. Например, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета С.И. Коссович (1881–1895 гг.) откровенно говорил: «Я – чиновник, получающий двадцатого числа жалованье. Оно мне нужно как пропитание себя и моей семьи. Законов в России нет, а имеются усмотрения начальства, от коего и зависит мое двадцатое число...» [4. С. 437].

Общественный статус профессии цензора зависел во многом от личных качеств того или иного чиновника, его понимания своего долга, уровня профессионализма. Среди цензоров встречались люди либеральных взглядов, стремящиеся содействовать развитию науки и литературы. От них часто зависела судьба писателя, издателя, работников редакции и типографии, литературного произведения.

Опыт российской цензуры привел одного из ее исследователей, юриста и публициста К.К. Арсеньева к выводу: «В издании подцензурном цензор может не только запретить статью или отдельное ее место; он может исказить ее до неузнаваемости, выбрасывая слова и фразы, уничтожая связь между предложениями, обесцвечивая картины, обессиливая аргументацию, обращая живое тело в мертвый остров» [5. С. 226]. Однако и цензоры не были абсолютно свободны и неуязвимы. За допущенные ошибки в работе они могли лишиться места, а значит, заработка.

Таким образом, юридический статус профессии цензора был достаточно высок, но общественный статус зависел от личностных качеств цензора, его понимания своего профессионального долга. Хотя эта профессия и не была популярной в обществе, тем не менее, если цензор был образован, придерживался прогрессивных взглядов и был прост в общении, его уважали.

Необходимо отметить, что под воздействием цензуры, в социальной, культурной жизни российского общества возник целый ряд отрицательных явлений. Речь идет о том, что нельзя даже приблизительно подсчитать, сколько статей остались ненапечатанными и сколько мыслей остались невысказанными. Но говорить об этом явлении в основном как об отрицательном было бы односторонне. Нередко цензура выполняла охранительные задачи и просветительские цели. И не все цензоры были однозначно субъективны и непрофессиональны.

В этой связи особый интерес вызывает исследование конкретного человека, служившего непопулярному делу в обществе – цензуре. Каким образом цензор понимал свое дело и выполнял его? Каким был человек, стоящий у мысли на часах? С этой точки зрения, история цензуры – это история конфликтов творческой личности с государственной системой, человека с другим человеком, со своими убеждениями. Эти сюжеты наполнены чувствами и эмоциями и требуют дальнейшего исследования личности российского цензора, его роли в развитии цензуры. Поскольку этот институт был, есть и, вероятно, будет, пока существует государство. Меняются формы, отчасти характер цензуры, но само явление продолжает существовать. И к изучению этого явления следует подходить максимально объективно и непредвзято.

При изучении цензуры необходимо учитывать некоторые противоречия, о которых еще в 1881 г. писал поэт и цензор Я.П. Полонский, составляя записку о сути цензуры. «Печать не может быть ни подневольной, ни свободной в России – вот первое противоречие... Цензура вредна и цензура полезна – вот второе противоречие...» [6]. Представляется, что эти установки помогут исследователю в своих работах объективно оценивать историю цензуры и роль профессии цензора в развитии этого государственного института.

Литература

1. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX в. М., 2001.
2. *У мысли стоя на часах...*: Цензоры России и цензура. СПб., 2000.
3. *Егоров А.Е.* Страницы из прожитого. Одесса, 1913. Т. 2.
4. *Глинский Б.Б.* Среди литераторов и ученых. СПб., 1914.
5. *Арсеньев К.К.* Законодательство о печати. СПб., 1903.
6. *Институт* русской литературы (ИРЛИ). Ф. 241. Архив Я.П. Полонского. № 127.